



Алексей Зарецкий

Официальный дискурс в Советской Украине (почему нам так трудно выйти из посттоталитарного пространства)

Оттепели 1950-х – 60-х предшествовала сталинская эпоха, которую характеризуют как иррационально террористическую, мифологизированную, напряженную. Дискурсу оттепели свойственны в определенной мере рациональность, гуманизм, мировоззренческий поиск положительного в советской системе. Но эти тенденции обнаруживаются в сравнении с предыдущей – сталинской эпохой. Официальный дискурс оттепели сохранял часть идеологических и этнокультурных признаков предшествующего времени¹. Эпоха 1950-60-х годов и по некоторой инерции 70-80-е годы имели определенные особенности в контексте эпохи позднего СССР. Первую точнее можно хронологически определить промежутком времени от XX съезда КПСС 1956 г. (критика культа личности И. Сталина) до 1968 г. (вооруженного подавления «Пражской весны» и изменений во внутренней идеологической политике). Вторая – так называемая эпоха застоя, или стагнации, с 1968-70-го года до конца 1980-х – времени исчезновения цензуры в советском ее понимании и частично свободных выборов 1989 года.

Состояние современных исследований в области гуманитарных наук создает ретроспективу исследований дискурса.

¹ Вайль П., Генис А. *Мир советского человека*. – М., 1996. – С. 368; Гефтер М. Я. *Из тех и этих лет*. – М., 1991.

Общественное сознание еще сохраняет память о 50–80-х годах, но в значительной мере эта эпоха отдаляется в прошлое и теряет политико-идеологическую актуальность, что, безусловно, благоприятствует непредубежденному научному исследованию. Вместе с тем теряется и знание о тех временах, главным образом на микроуровне. Младшему поколению, возможно, пресса и вообще тексты 50–80-х гг. могут показаться написанными «деревянным языком» («суконным языком»), и трудно представить, с каким напряжением «тот» читатель вглядывался «между строк» и какое мужество надо было иметь авторам и редакторам, чтобы опубликовать то, что сегодня представляется поверхностной полемикой либо вообще остается «за кадром». Отметим, что язык пропаганды той же эпохи в ПНР имел ряд черт очевидного подobia, но вместе с тем тонких и специфических отличий².

Возможно, неспециалисту покажется довольно странным то, что в большом массиве гуманитарных исследований, предметом которых является период 1960–80-х годов, в Украине довольно мало имелось анализа конкретных текстов – публицистических статей в периодике, сообщений масс-медиа и т. п., то есть дескриптивных штудий на микроуровне. Подавляющее большинство исследований – теоретические штудии на макроуровне, посвященные историософской³, философской⁴, исторической⁵, литературоведческой⁶ (в традиционном понимании) проблематике. Отметим исследования на макроуровне, которые появились в 1960–80-х годах: «Право жить» Ю. Бадзьо, «Экономические монологи», «Энергия прогресса»

² J. Bralczyk, *O języku polskiej propagandy politycznej lat siedemdziesiątych*, Warszawa 2001.

³ Кісь Р. *Фінал Третього Риму*. – Львів, 1998; Сверстюк Є. *Перебудова Вавилонської вежі // На святі надій*. – К., 1999. – С. 96-147; Липа Ю. *Призначення України*. – К., 1997.

⁴ Грабовський С. *XX століття та українська людина. Виклики і відповіді*. – К., 2000.

⁵ Русначенко А. *Розумом і серцем. Українська суспільно-політична думка 1940-1980-х років*. – К., 1999.

⁶ Коваль В. *„Собор“ і навколо собору*. – К., 1989; Жулинський М. *Із забуття в безсмертя*. – К., 1990.

М. Руденко, «Феномен эпохи» В. Стуса. Все эти исследования в той или иной мере относятся к последним десятилетиям существования СССР – либо в аспекте СССР как части СССР, либо в аспекте периода «перестройки», которая предшествовала возникновению Украины в 1991 г. Метафоричность названий этих книг и исследований в определенной мере подчеркивает макроуровень в методологии.

Невысокий интерес к исследованиям микроуровня связан с существованием жертвенно-мессианского комплекса, своеобразной национальной фобии в сфере профессиональной и наивно-лингвистической метаязыковой рефлексии⁷.

Введем понятия официального и альтернативного дискурсов, которые можно считать категориями макроуровня⁸. Первая категория определенным образом понятна на «поверхностном» уровне – понятным представляется существование официальной идеологии, нормативной эстетики социалистического реализма, механизмов контроля – цензуры, которые формировали официальный дискурс. Менее очевидным является понятие альтернативного дискурса, которое можно ассоциировать с размытыми категориями «антисоветского» в идеологическом аспекте, литературы андеграунда, дискурса украинской диаспоры в целом и самиздата – специфического дискурса, который актуализировался в условиях монологичности официального дискурса.

Исследование феноменов официального (советского) и альтернативного дискурсов в гуманитарной науке, начиная с конца 1980-х гг., имеют метаизмерение – осмысление исторической судьбы украинского народа, место украинской культуры в европейском и мировом контексте, потусторонний – «сатанинский» аспект советской системы⁹, литературу, которая руко-

⁷ Ставицька Л. *Проблеми вивчення жаргонної лексики: Соціолінгвістичний аспект* // Українське мовознавство. – 2001. – № 1. – С. 56.

⁸ Зарецький О. *Альтернативний дискурс 60-80-х років (до постановки проблеми)* // Мовознавство. – 2000. – № 2/3. – С. 66-73.

⁹ Напр., ряд статей Л. Плюща: *Боротьба з євреями – це боротьба з нами...* // Сучасність. – 1992. – № 8. – С. 89-100; *Ім'я їм – легіон* // Сучасність. – № 5. – 1993. – С. 79-91; *Тридцять чорний рік* // Сучасність. – 1997. – № 7/8. – С. 124-151. В случае публикации документов они также получали метаизмерение в названии, напр.: *Портрет темряви. Свідчення, документи і матеріали*: В 2-х кн. – Київ; Нью-Йорк, 1999.

водствовалась методом социалистического реализма, сущность феномена шестидесятников и диссидентов, культурные процессы 1960-80-х гг. как мифологический ряд и т. п.¹⁰ В особенности следует отметить аспект заполнения белых пятен не только истории, но и философии истории. За годы советской власти сформировался или был переосмыслен ряд этнокультурных стереотипов, которые можно также рассматривать как этнокультурные или философские концепты: «низкосортность» украинской культуры, «провинциальность», «второстепенность», «этнографизм», «западный – восточный» векторы украинской истории, а также концепты, которые достаточно сложно перевести на русский язык: «хуторянщина» и «шароварщина». Эти стереотипы продолжают болезненно осмысливаться в современном украинском обществе¹¹. Существует несколько причин – исторических, практических, методологических – такого положения вещей в украинской гуманитарной науке, которые коррелируют с неполнотой дискурсивного анализа.

Во-первых, это вполне понятный и очевидный в контексте 1990-х годов драматизм истории украинской культуры и науки, связанный с нравственно-психологическим давлением и физическим уничтожением его носителей. Во-вторых, это монологизм дискурса в целом и гуманитарной науки периода СССР в частности. Украинская гуманитарная наука в диаспоре может быть предметом отдельного анализа; она начала формировать единое поле с метрополией лишь с конца 1980-х годов¹².

Следует отметить разнообразие подходов и даже противоречивость взглядов относительно категории дискурса (*discourse, der diskurs*). Ее ввел в научный оборот американский

¹⁰ Івашко В. *Міф про Василя Стуса як дзеркало шістдесятників* // Світо-вид. – 1994. – III (16). – С. 104-120; Забужко О. „Психологічна Америка” і азійський ренесанс, або знову про Карфаген // Сучасність. – 1994. – № 9. – С. 141-161.

¹¹ Напр.: Пахльовська О. *Україна: шлях до Європи... через Константинополь* // Сучасність. – 1994. – № 1. – С. 54-68; № 2. – С. 101-118.

¹² Грабович Г. *Заклинання українського модернізму* // Слово і час. – 1996. – № 1. – С. 41-49.

лингвист З. Харрис в 1950-е годы¹³. По З. Харрису, дискурс – это анализ текста в контексте общей социокультурной ситуации. В 60-70-е гг. в исследованиях французских лингвистов и культурологов Э. Бенвениста, А. Ж. Греймаса, М. Фуко дискурс начал ассоциироваться с лингвистикой текста – закономерностями формирования и функционирования текстов. Понятие «дискурс» употреблялось как синоним функционального стиля или языка и речи вообще. В 80-90-е годы заметно уменьшился интерес к дискурсу как теоретическому концепту, вместе с тем это понятие оказалось продуктивным для исследований собственно политического дискурса¹⁴.

Сегодня накоплено достаточно материала в области стилистики, литературоведения, семиотики, риторики, которые имеют плоскости пересечения с дискурсом. Опубликованы воспоминания, переписка современников 1960-80-х годов, которые делают возможным исследование уровня подтекстов, ассоциаций официального дискурса и являются неоценимым материалом для изучения альтернативного дискурса. Внутренние когнитивные процессы порождения и восприятия текстов могут быть реконструированы только на таком материале.

Модели анализа дискурса включают в себя не только идеологический компонент общества, но и способы продуцирования (написание), воспроизведения, передачи, рецепции (слушание или чтение). Итак, такие «очевидные» для современника эпохи 60-80-х годов черты официального дискурса, как контролируемость или подцензурность, могут быть детализированы на микроуровне и выявлены, например, в редакторской правке или в цензорских замечаниях.

Следует также заметить, что интерес исследователей к этим явлениям имеет главным образом выразительно политологи-

¹³ См., напр.: Штерн И. Б. *Вибрані топіки та лексикон сучасної лінгвістики*. – К., 1998. – С. 87-93.

¹⁴ См. также: P. Serio, *Analyse du discours politique soviétique (Cultures et Sociétés de l'Est. 2)*, Institut d'étude slave, Paris 1985; R. Wodak, *Discourse Analysis: Problems, Findings, Perspectives // Text*, No 10, New York 1990 (цитируется по указанной статье И. Штерн).

ческий или социологический характер и, таким образом, сфокусирован на макрофеноменах, в частности, социально-политических структурах – Союзе писателей, идеологическом отделе ЦК КПУ либо соответствующих подразделениях КГБ¹⁵, анализе этнокультурной среды, притеснениях украинской культуры и языка, политическом и социальном аспектах деятельности диссидентов. Исследование альтернативного дискурса требует анализа большого объема текстов, которые связаны с принципиальными свойствами этого типа дискурса. Что касается официального дискурса, то эта проблема упрощается в связи с монологичностью и тавтологичностью дискурса; относительно альтернативного дискурса с его мозаичностью и фрагментарностью она приобретает актуальность. Выскажем предположение, что сам альтернативный дискурс не имел внутренней структуры. Определяющим является само противопоставление альтернативного и официального дискурсов. Например, отдельную подсистему представляли собой передачи зарубежного радио – «Голоса Америки», «Радио Свобода», Би-Би-Си и т. п. Критика этих передач в тогдашней печати и системе политзанятий была активной и систематической, что свидетельствует о важном месте этой подсистемы в социуме. Можно дать и другую классификацию, в частности, относительно дискурса литературы, выделяя эмиграционную, диссидентскую, литературу андеграунда¹⁶.

* * *

Предлагаемый нами методологический подход является инструментом для анализа различных типов дискурса – документов директивных органов, речей государственных лидеров, политической публицистики, новостей, текстов гуманитарной науки, художественной литературы и т. п. – и включает

¹⁵ Сверстюк Є. *Примітки автора // На святі надій.* – К., 1999. – С. 762-778.

¹⁶ Харчук Р. *Ще раз про “дві літератури нашої доби” // Світо-вид.* – 1994. – № 1 (14). – С. 106-107.

в себя категорию индикаторов культуры¹⁷. В контексте этих исследований вызовут интерес два индикатора культуры – псевдосинкретизм и оппозиция «добро – зло» («правда – кривда») ¹⁸. Поскольку культурные изменения, равно как и дискурс, не могут быть описаны только на уровне микроанализа, необходим макроанализ, основным средством которого и является категория индикаторов культуры.

Индикаторы показывают связь идеологических, этнокультурных феноменов с дискурсом. В нашем случае это признаки советской этнокультурной системы. Оппозиция «добро – зло» («правда – кривда») имела в системе СССР мировоззренческий, манихейский характер, ей была присуща абсолютизация светлого и темного начал, добра и зла. Вселенная делилась на две части – «светлую» и «темную». И объект, и его название находятся в одной из частей. Граница «светлой» и «темной» частей проницаема, и объект может пройти ее со всеми своими атрибутами. Оппозиция «научная истина – народная правда» (псевдосинкретизм) характеризуется частичной логической нерасчлененностью, в своем микрокосме может не иметь логических дуальных оппозиций. Причина может меняться местом со следствием, все как будто находится во всем. Советская система не была целиком синкретической, она способна была актуализироваться и как «народная правда», и как «научная истина». Целесообразным является определение ее как псевдосинкретической. В стилистическом аспекте их соответствиями являются научный и сниженный разговорный стили¹⁹. Дискурсы, которые характеризуются этими стилями, могут создавать гибридное целое.

Эти индикаторы культуры (оппозиции) актуализировались в авторитетных текстах – программах КПСС, постановлениях,

¹⁷ T.A. van Dijk, *Introduction: Discours Analysis in (Mass) Communication Research* // T.A. van Dijk (ed.), *Discourse and Communication: New Approaches to the Analysis of Mas Media Discours and Communication*, Berlin; New York 1985, p. 4-5.

¹⁸ Ахиезер А. С. *Россия: критика исторического опыта*. – М., 1991. – Т. II.

¹⁹ Єрмоленко С. *Нариси з української словесності (стилістика і культура мови)*. – Київ, 1999. – С. 431.

резолуциях съездов, пленумов руководящих партийных органов КПСС (КПУ), сообщениях ТАСС, редакционных статьях газет – органов партийных структур и т. п. Официальный дискурс был тавтологичным относительно эталонных, авторитетных официальных текстов, повторяя их с определенной закономерностью.

Считалось и как будто должно было быть само собой понятно, что официальный дискурс находится в «светлой» части, а другие типы дискурса – вражеские, ненужные и вредные – в «темной» части. Это деление было эмоциональным, его отличали определенный пафос и героизация. Сфера «правды» – *построение коммунизма, возникновение нового исторического сообщества – советского народа, социализм*²⁰. Тематические структуры были зафиксированы в текстах, например, темы *лениниана, план, выполнение и перевыполнение, Великая Отечественная война*. Это был материал для продуцирования новых текстов разных жанров и стилей. Приведенные словосочетания являются и понятиями системы большевизма, и блоками дискурса. Сфера «кривды» – *мировая реакция, империализм, колониализм, украинский буржуазный национализм* и т. п. Индикатор псевдосинкретизма является схемой перевода понятий и категорий научного уровня на уровень «народной правды» и наоборот, то есть разрешает аргументировать любой тезис для получения ожидаемого ответа²¹. Субъективно тексты пропаганды производят впечатление пародии на научный стиль.

Дискурс имеет аспект персонификации: как в 60–80-е годы, так и в современных исследованиях актуализируются, с одной стороны, такие имена (элементы официальной и альтернативной персонификации), как Никита Хрущев, Александр Корнейчук, Андрей Скаба, Валентин Маланчук, а с другой – Василий Симоненко, Иван Гончар, Иван Свитлычный, Григорий Кочур. И это происходило не только в напряженном

²⁰ Приводимые примеры имели эквиваленты на украинском языке.

²¹ Зарецкий О. *Міфологія більшовизму і витоки українського шістдесятництва* // Учитель. – 1998. – № 9. – С. 21-25; № 10. – С. 23-28.

мифологизированном дискурсе УССР. И. Лысяк-Рудницкий, умеренный представитель западной диаспоры, трактует фигуры диссидентов И. Дзюбы и В. Мороза в трагико-демонизированном плане²². За пределами Украины эти персоналии, по-видимому, просто малоизвестны.

Социальные отношения или политические идеологии определяются репродукцией культур, идеологий посредством дискурса, который представляет сам по себе основное культурное и социальное явление, через которое смыслы и идеологии высказываются и репродуцируются. Это направление, как правило, связывают с именами Р. Барта, Ж. Лакана, М. Фуко, Л. Альтгуссера, Лакло. Существование социокультурного феномена молодежных движений модов и рокеров не вызывало у исследователей и правительственных чиновников, которые занимались проблемами молодежи в 60-70-е годы, никаких сомнений. Но именно в масс-медиа они трансформируются в «народных чертей» и в такой роли закрепляются в общественном сознании второй половины XX столетия. Советская пропаганда приложила немало усилий для демонизации диссидентов, например, В. Чорновила или И. Свитлычного²³. И на микроуровне можно показать, как формировался образ «врага» Ивана Дзюбы – автора умеренного и глубокого научного исследования «Интернационализм или русификация?»²⁴.

Идеологическая позиция, интересы власти могли тогда быть освещены, сигнализированы в открытых публикациях или обсуждениях. Методы манипулирования информацией можно реконструировать и в текстах этой эпохи, более поздних, уже неподцензурных воспоминаниях.

Механизмы обмана можно выявить и на уровне предложения: *функционеры «Солидарности» были интернированы* (из

²² Лысяк-Рудницкий И. *Політична думка українських підрадянських дисидентів* // Історичні есе. – К., 1994. – Т. 2. – С. 477-488.

²³ Полторацький О. *Ким опікуються деякі «гуманісти»* // Літературна Україна. – 1968. – 16 липня.

²⁴ Стенчук Б. *Що і як обстоює І. Дзюба (Ще раз про книгу “Інтернаціоналізм чи русифікація?”)*. – К., 1969.

газет первой половины 80-х гг.), а не *Служба безопасности интернировала функционеров «Солидарности»*. Предикативная обратимость создает здесь совокупность смыслов, которые как будто соответствуют действительности и не требуют доказательств. Пресса УССР того времени представляет определенных лиц (например, Яцека Куроня, Адама Михника, Лешека Мочульського, Збигнева Буяка и др.) отрицательными самими по себе.

Некоторые аспекты дискурса, выявленные интуитивно, могут быть релевантными культурными или социальными факторами. Такое понятие, как «шестидесятничество», сформировалось интуитивно, в 90-е годы были попытки выяснить, существовал ли этот феномен вообще²⁵. Приблизительно такой же ореол имеют и харизматические фигуры 1960-80-х годов, упоминавшиеся выше.

Механизмы пропаганды могли быть представлены на различных уровнях, в особенностях графического представления печатного текста, в невербальных и паравербальных признаках устного варианта, например, жесткая интонация «голоса» (и в прямом, и в переносном смысле) власти, когда, например, дикторы ТВ и радио зачитывали постановление о лишении А. Д. Сахарова званий, наград и степеней.

Рутинный процесс порождения дискурса воспринимался большинством его участников в категориях здравого смысла. Принятие решений на уровне руководства – в структурах идеологии и пропаганды директивных органов, на уровне главных редакторов СМИ, формирование критериев того, что могло быть опубликовано, эксплицируется главным образом в воспоминаниях современников эпохи. Появление в открытой печати – конечный продукт последовательности шагов дискурсивного порождения текста. Текст является результатом не только творческого акта или жизненного опыта авторов, но и многократных трансформаций текстов, в особенности в случае монологичности официального дискурса, которая была для

²⁵ Гудзь Ю. *Доповнення до статутів мовчання* // Світо-вид. – Київ; Нью-Йорк, 1994. – № 1 (14). – С. 65-73.

тогдашнего общества чем-то самоочевидным. Ситуация воспринималась как довольно либеральная и построенная на здравом смысле, сравнительно со сталинской эпохой, современниками которой было взрослое поколение 60–80-х годов. Проведем и другую границу деления – после арестов 1972 года 60-е годы представлялись современникам либеральными. Эта социопсихологическая и этнокультурная ситуация была воссоздана, например, М. Коцюбинской на основе эпистолярия²⁶.

Часть текстов имели авторитетный статус. Это тексты, принятые на съездах, конференциях и пленумах КПСС²⁷. Другие тексты официального дискурса были или переведены на украинский язык, или являлись тавтологическими²⁸ относительно авторитетного дискурса – такие, как решения КПУ, сообщения РАТАУ, публикации «Советской Украины» и т. п. То есть имело место повторение ключевых понятий авторитетных текстов другими словами или словосочетаниями: *советская власть – власть советов – советский народ – новое историческое сообщество – общество развитого социализма – страна советов* и т. п.

Что касается взаимодействия, формирования и трансформации знаний, ожиданий и оценок, то конец 1950-х был переломным; как правило, эти явления связывают с XX съездом КПСС²⁹. Немногочисленные публикации, в которых упоминались сталинские репрессии (эпизодические и неакцентированные воспоминания об арестах 1937–38-го гг., заключении и справедливой реабилитации), стали значительным событием. Появление в печати рассказа «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицина, в котором с фактографической точностью описывался лагерь сталинской эпохи, было настоящим взрывом. Эти публикации создали в обществе новые

²⁶ Коцюбинська М. «Зафіксоване і нетлінне». Роздуми про епістолярну творчість. – К., 2001.

²⁷ Зарецький О. Альтернативний дискурс 60-80-х років (до постановки проблеми). // Мовознавство. – 2000. – № 2/3. – С. 66-73.

²⁸ См., напр.: Ермоленко С. Я., Бибик С. П., Тодор О. Г. Українська мова. Короткий тлумачний словник лінгвістичних термінів. – К., 2001.

²⁹ Горинь Б. Опанас Заливаха: вибір шляху. – К., 1995. – С. 17-18.

мотивации, перспективы. Ожидания оказались аморфными, но чрезвычайно эмоционально окрашенными. Этот короткий, но яркий период можно исследовать, главным образом, по воспоминаниям. Например, одна из тем дискуссий на встречах шестидесятников 90-х годов: воспринимали ли они будущее оптимистически или пессимистически после арестов августа – сентября 1965 г.³⁰

Сам факт перевода этих текстов на украинский язык в дискурсивном аспекте был весомым. Тот факт, что в 70-е годы первый секретарь ЦК КПУ, как правило, устно выступал на русском языке, в отличие от своих предшественников, рассматривался современниками как чрезвычайно важный. Этот дискурсивный эпизод и до сих пор волнует современников³¹.

Можно отметить большое отличие альтернативных идеологических, политических или этических оценок и мотиваций, с чем тогдашняя власть вела последовательную и жесткую борьбу. Употребление украинского языка в некоторых сферах могло вызвать неадекватное восприятие. Языковая ситуация в целом имела признаки напряженности и конфликтности, в повседневном общении носитель русско-советского этнокультурного типа, например, мог сделать заявление: *говорите на человеческом языке*. Употребление украинского языка могло восприниматься как сигнал политической неблагонадежности.

Продуцирование и восприятие дискурса постоянно коррелирует со многими свойствами этнокультурного контекста. Возможно понимание в исторической ретроспективе культурной основы бытовых представлений, а также употребление разных стилей. Доминантный стиль (большинства) – периферийный стиль (меньшинства), в том числе и этнического. Доминантный стиль – советский, периферийный – украинский. Специфическим и неоднозначным был стиль дискурса большинства об украинстве Запада (диаспоре). Оценка Запада в советской системе ценностей была противоречивой: он

³⁰ Жиленко І. *Ното feriens* // Сучасність. – 1997. – № 9. – С. 12-87; № 10. – С. 16-70.

³¹ Гнатюк Д. М. *Сповідь на тему: голос і влада*. – К., 2000. – С. 43.

воспринимался как вражеский, но могущественный; загнивающий, но цивилизованный; для многих был желанной и овеянной неясными ожиданиями мечтой. Поэтому украинство Запада становилось чем-то парадоксальным – сочетанием несочетаемого, квадратурой круга. Оно должно было бы восприниматься как «нечто» находящееся на далекой окраине и должно было бы исчезнуть – ассимилироваться. Стиль большинства о меньшинстве актуализировался как в официальной пропаганде, так и на бытовом уровне; в нем были представлены темы о «деревенщине», «простаках», «бандеровцах», «отсталом селе», «диссидентах», «влиянии западных спецслужб»³², каламбуры-анекдоты на тему языковых украино-российских параллелей, в которых украинский язык был представлен как сниженный вариант русского и др.

Темы альтернативного дискурса: XX съезд и критика сталинских преступлений, несоответствие деятельности Верховной Рады Украины Конституции, деятельность Грушевского и Винниченко, деспотизм, массовый страх, который порождает привычку, империя винтиков, индивидуалистическое общество сильное, коллективистское – слабое, человек без «я» становится роботом. Хунвейбинов наша пропаганда называла фанатиками, а на похоронах Сталина мировая общественность считала фанатиками нас (по остро антисоветскому самиздатовскому очерку конца 1960-х «Репортаж из заповедника имени Бери» В. Мороза).

* * *

В 1950–60-е годы заметно возрос интерес (появились новые веяния духа и возможности в условиях оттепели) к западной литературе и публицистике, о чем свидетельствовали популярность журнала «Всэсвіт», переводы зарубежных авторов, например, в серии «Иностранная новелла» издательства «Днипро» – Э. Хемингуэя, А. де Сент-Экзюпери, Э. Витторини,

³² Чередниченко В. П. и др. *Український буржуазний націоналізм. Загострення ідейно-організаційної кризи, крах антирадянських підступів.* – К., 1986.

М. Андерсена-Нексе, Г. Белля, Г. Лоусона, М. Домбровской и др. Весомое место в дискурсе заняли польские журналы, которые тогда можно было выписать или покупать по дотационной цене (как издание дружеской СССР страны). Специально для того, чтобы их читать, многие изучали польский язык. В значительной мере весомость этого дискурса в 90-е годы уменьшилась.

Мир, построенный в официальном дискурсе, можно гипотетически рассматривать как мир литературный. Предметом анализа при этом будут являться различия между возможными «реальным» и литературным мирами. Герой официального дискурса – народ-строитель коммунизма. Отдельную область составляет официальная художественная литература того времени. Критика и литературоведение формировали систему категорий, которые связывали официальный дискурс и официальную художественную литературу, – социалистический реализм, партийность, образ положительного героя и т. п.

Следует отметить также дискурс художественной литературы 60-х годов и проблематику шестидесятников как предмета междисциплинарного гуманитарного исследования, что стало фактором создания альтернативного дискурса. Поэт-шестидесятник становится центральной фигурой культурного процесса – как сублимированное выражение индивидуальности. С шестидесятниками входит в литературу «я», в противоположность агрессивному и бездействующему «мы». Шестидесятники (объективно – поэты-граждане, субъективно – лирики) возвращают в литературу человеческое, личностное пространство³³. Воспитанные в советской системе и насыщенные ее мифологией, они выходили из нее с болью, постепенно и не полностью³⁴. Шестидесятники не были политической оппозицией в традиционном понимании этого слова, «не поднимались до радикального возражения

³³ См.: Пахльовська О. *Україна: шлях до Європиноюю через Константинополь*.

³⁴ Коцюбинська М. *Іван Світличний, шістдесятник. Передмова // Світличний І. У мене тільки слово*. – Харків, 1994. – С. 5.

существующей системе». Они отстаивали «право здравого смысла, возвращение словам и понятиям их глубинного смысла, возможности говорить правду об очевидном»³⁵. Один из вопросов – чем был подменен здравый смысл в тогдашних идеологической и этнокультурной системах и как был изменен смысл слов.

Автор текстов официального дискурса – довольно «загадочная фигура». Очевидными были только коллективность и анонимность порождения текстов. Авторитетный официальный дискурс был в целом анонимным. Авторами документов партийных съездов, пленумов, конференций были как будто сами съезды и конференции. Сообщения ТАСС, так называемые передовые статьи в печати не были подписаны авторами. С уменьшением авторитетности появляется фигура автора – партийного деятеля, ученого или журналиста. В системе реципиента можно отметить уровень поиска подтекста, в том числе такого довольно загадочного уровня, как антисоветский подтекст. Вне сомнения, реципиент искал в подтексте информацию о кадровых изменениях – изменения влиятельности руководства и изменения в политике на уровне называния тех или иных имен и их последовательности. Дискурс слухов также может быть реконструирован по воспоминаниям современников. Приведем иррациональный и мрачный, но показательный пример. Можно предположить, что по всему тогдашнему СССР ширились слухи о гибели примерно 100 ученых, конструкторов, военных, в том числе маршала Митрофана Неделина – командующего ракетных войск СССР, высококвалифицированных инженеров, техников, рабочих при испытаниях межконтинентальной ракеты на космодроме Байконур 24 октября 1960 года. Ни одно упоминание об этом не попало в официальные средства массовой информации, за исключением сфальсифицированного некролога маршалу. С позиций радио, не таясь, за пределами дискурса слуха, об

³⁵ Сверстюк Є. *Шістдесятники і захід // Блудні сини України*. – К., – 1993. – С. 24-26.

аварии говорили в СССР разве что несколько десятков лиц³⁶. В массовых изданиях аналитические материалы об этом событии появились довольно поздно³⁷.

«Автор» официального дискурса действовал по инерции, которая началась со времени становления идеологической и этнокультурной системы СССР, рассчитывая на моноличность официального дискурса и принуждение. В СССР была создана система политпросвещения для толкования авторитетных текстов, произведений так называемых классиков марксизма-ленинизма. Монолог разрушался, по крайней мере, передачами «Радио Свобода» или «Голоса Америки», где, без сомнения, работали специалисты, которые изучали аудиторию и ее возможности восприятия информации³⁸.

Официальный дискурс характеризовался и дополнительными функциями, например, эстетической. Эти тексты имели подарочные, иллюстрированные варианты изданий, их смыслы дублировались и нетекстовыми средствами – визуальными, музыкальными. Создавалось определенное синкретическое смысловое целое. В этом случае едва ли можно говорить о совокупности возможных интерпретаций, из которых читатель или слушатель избирает одну или несколько. В официальном дискурсе весомыми было название и черно-белая оценка, а не информирование. Отдельные отрицательные оценки в официальных текстах могли интерпретироваться как начало серьезных неприятностей.

Имел место отрыв от места, времени реального говорящего; дискурсивное пространство занимал авторитетный «рассказчик». В этом дискурсе он будто не имеет желаний и намерения изменить систему реципиента. «Рассказчик» обращается исключительно к «простому советскому человеку», раз и навсегда знает, кто его адресат и стремится навязать ему одну и одну и ту же систему ценностей. Официальный дискурс в

³⁶ Сахаров А. Д. *Воспоминания* // Знамя. – 1991. – № 3-4.

³⁷ См., напр.: Платонов В. *Катастрофа* // Дзеркало тижня. – 2000. – 21-27 жовтня.

³⁸ J. Nowak-Jeziorański, *Wojna w eterze*, Kraków 2000.

значительной мере лишен информативности, но в целом передает знания, ожидания, эмоции, имеет не коммуникативный, а скорее мировоззренческий характер. Происходит транспозиция тем официальной пропаганды в литературную, художественную сферы. И эти темы остаются одними и теми же в разных семиотических системах. Даже если читатель-слушатель не имеет желания читать газету, слушать и смотреть по телевизору новости, ходить на политзанятия, дискурс все равно состоится – независимо от мотивации как говорящего, так и слушателя.

В 60–70-е гг. продолжалось формирование системы желаний, намерений и преимуществ читателя–слушателя. Работали, в частности, механизмы создания привлекательности русскоязычного дискурса как элитарной русскоязычной продукции (ТВ, радио, прессы, книги и т. п.), как правило, московской.

Официальный дискурс представлял собой суперструктуру, которая содержала иерархическую организацию тематических категорий – Программу КПСС, принятую в 1961 г. XXII съездом КПСС, другие документы съезда. Дискурсивные функции этого текста универсальны. Об определенной политической, идеологической коррекции можно говорить относительно следующего – XXIII съезда 1966 г. Дальнейшие тексты (до середины 80-х годов) авторитетного дискурса существенных отличий не имеют.

Рассмотрим некоторые базовые структуры на уровне автор (рассказчик) – персоналии – события:

Съезд преисполнен непоколебимой уверенности..., обращается с призывом..., ...придает большое значение, партия сказала народу всю правду. Кто является автором и рассказчиком – сама партия или собственно съезд? Не указано также, кто произносил эти тексты на съезде, хотя сказано: *выражая коллективную мысль партии, съезд от лица всей партии с негодованием осуждает...* Персоналии отсутствуют, события касаются главным образом самого съезда и построения коммунистического общества. Ключевые слова приобретают значение физического

действия, персонифицируются: *в центре современной эпохи стоят рабочий класс и мировая система социализма.*

Абстрактный читатель этого текста – любой прогрессивный человек мира и вообще все человечество: *сначала десятки и сотни, а потом тысячи и миллионы людей шли на штурм старого мира; всех стран и континентов; всем людям на Земле; признанные всем человечеством.*

Характерными являются отличия дискурса Программы по сравнению с временной структурой в обычной картине мира. Временная структура дискурса Программы демонстрирует элиминацию временных границ, действие происходит в прошлом, настоящем и будущем. *Ленин чертит план* – это событие касается промежутка между прошлым и будущим в целом. Действие охватывает весь временной промежуток – прошлое (*социалистические революции привели...*), настоящее (*...строит жизнь под флагом*), будущее (*социализм неминуемо придет...*)...

В области языковых форм характерными здесь являются императивы: *от народов требуется; добиваться всемерного возрастания; настойчиво улучшать; конкретно и со знанием дела руководить; вести беспощадную борьбу.*

Официальный дискурс создавал свой собственный стиль: мог иметь короткие, афористические тексты, например, призывы к праздникам, и большие, практически необъятные, туманные, противоречивые тексты, такие, как «Полное собрание сочинений» В. И. Ленина, назойливый однообразный дискурс борьбы СССР за мир, который, впрочем, заполнял все возможные каналы передачи информации. Официальный дискурс мог иметь квазирелигиозные функции, создавать контекст, влиять на ментальность и мир³⁹.

* * *

³⁹ Лакофф Дж., Джонсон М. *Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия.* – М., 1987. – С. 126-172.

В 1950-80-е годы УССР была частью СССР в административно-политическом, идеологическом и в определенной мере этнокультурном аспектах. В СССР существовала специфическая, уникальная идеологическая и этнокультурная система⁴⁰. Можно выделить два признака этой системы: во-первых, она имела тенденцию к огосударствлению общественного бытия в широком понимании, во-вторых, в официальном дискурсе существовала иерархия текстов – соответственно иерархии общества. Авторитетные тексты содержали положения идеологической доктрины и основные политические, экономические, культурные задачи общества. В общественном сознании того времени было очевидно, что издательства, газеты, журналы, агентства прессы, радио, телевидение являются государственными. Публикация текстов, выход в эфир контролировались с точки зрения соответствия авторитетным текстам. Все тексты проходили экспертизу в редакции, а потом цензуру (так называемый Главлит). Часть текстов (избирательно) проходила экспертизу в партийных органах или органах госбезопасности.

Контролируемым было не только продуцирование текстов, контролируемым был дискурс в целом – восприятие текстов также. Поэтому в системе преподавания в средней и высшей школе, сети политпросвещения авторитетные официальные тексты изучались – комментировались (толковались) определенным образом.

Отметим, что авторитетный официальный дискурс влиял на письменный и устный дискурсы административного управления, производства, образования, науки, художественной литературы, критико-публицистического жанра и т. п., которые имели определенную подсистему смыслов авторитетных текстов.

Об особенностях частного, бытового дискурса той эпохи свидетельствует поиск подтекста в официальном дискурсе,

⁴⁰ Ахиезер А. С. *Россия: критика исторического опыта*; Зарецкий О. В. *Українські шістдесятники в етнокультурному просторі СРСР // Сучасність*. – 1995. – № 4. – С. 113-125.

всепроницающий жанр анекдота, активное функционирование слухов об официальных, но не жестко контролируемых сферах, например, спорт, в особенности футбол.

Сам факт тотального контроля не только признавался в официальных текстах, но и основательно аргументировался, как и то, что крайне вредно слушать зарубежное радио и читать самиздат (например, в изданной тогда огромными тиражами книге М. Яковлева «ЦРУ против СССР»⁴¹, многочисленных нормативных идеологических публикациях). Оперативные методы контроля переписки по почте описаны сотрудниками соответствующих служб, которые опубликовали свои воспоминания, выехав за пределы СССР⁴².

* * *

В каждом государстве властная корпорация, творцы государственной идеологии стремятся создать положительный образ своей политической силы и государственной идеологии, в целом положительный образ самих себя. В Украине существует властная корпорация, которая использует определенную систему политической пропаганды, реализуемую СМИ. В случае сегодняшней Украины мы имеем дело с рядом механизмов, унаследованных от тоталитарной УССР (СССР). Инерция советского образа мышления, сформированная картина мира присутствуют и в сегодняшнем украинском обществе, ставя преграды на пути здравого смысла, экономически обоснованных реформ, верховенства закона, уважения прав и свобод человека.

Позиция власти предлагает антагонистическую черно-белую интерпретацию современной политической ситуации в Украине: власть и оппозиция, государство и общество. Власть и государство интерпретируются как светлая часть мироздания, оппозиция и структуры гражданского общества

⁴¹ Яковлев М. М. *ЦРУ проти СРСР*. – К., 1983.

⁴² Азегер Л. *Чорний кабінет // Сучасність*. – 1995. – № 6. – С. 95-116.

(особенно те, которые получают западные гранты) как темная. Оппозиция демонизируется в проправительственных СМИ примерно так же, как и правозащитники в СССР.

Эти стратегии являются в определенной мере повтором в новых условиях советских дискурсивных стратегий. Дискурсивные явления предшествующей эпохи тяготеют над нами и сегодня. Так, например, концепция коммунизма «коммунизм будет построен не завтра и вообще не скоро, но он наступит обязательно». Точно так же при нынешнем руководстве страна неумолимо движется по пути к процветанию и те, кто мешает этому, – оппозиционные силы – идут против естественного хода истории, выступают против народа и таким образом действуют плохо, странно, в противоречии со здравым смыслом. Правящая группа в Украине является, по мнению многих политологов, коррумпированной, но представители этой корпорации, как и бывшая советская властная корпорация, по-видимому, искренне верят в свою государственную миссию и рассматривают государство по советской схеме как ночной дозор (*night guard*).

Некоторые стратегии официальной пропаганды можно представить следующим образом. Создание положительного образа достигается такими словами-символами: *реформы, экономический рост; конструктив; стабильность; высокий уровень жизни; здоровые силы; прагматический, рациональный подход*. Но официальные СМИ говорят и пишут не о конкретных реформах, а о направлении реформ, не о конкретных стандартах ЕС, а о европейском выборе Украины, пути к ЕС. Слово-символ *путь* (*шлях* – укр.) образует в украинском языке метафоры «долгий путь», «жизненный путь».

Существуют известные концепты рыночной экономики в англоязычных СМИ – такие, как *стимуляция возрастания занятости, расширение системы социальных гарантий, фиксация минимальной зарплаты, участие наемных работников в принятии решений, осознание положительной роли профсоюзов*. Для украинского дискурса характерным является разве что блокирование минимальной зарплаты.

Можно анализировать официальную социальную, экономическую, демографическую статистику. Но значительная часть экономической жизни находится в теневой сфере. Часто украинские статистические данные не отображают реальности. И это можно также считать наследием советской идеологии двойных стандартов: одна правда для наших и другая правда для чужих. Определенные политические силы, часто близкие к власти, спекулируют на противопоставлении украинской и русско-советской этноязыковой идентичности, воспроизводя стереотипы тоталитарного советского государства. По сути, этнокультурная и языковая ситуация в Украине не имеет часто приписываемых ей черт поляризации и антагонизма.

Тем не менее Украина, в отличие от Советской Украины в составе СССР, не является тоталитарным государством и дискурс официальных СМИ нельзя считать идентичным тоталитарному. Общественно-политическая ситуация достаточно сложна и неоднозначна.